

hauptsächlich nach den Anschauungen des finnischen Forschers M. Korhonen verfaßt hat. Ergänzungen erscheinen in Form von neuem Faktenmaterial.

Als Beilage der Forschung hat P. Zaikov elf Beispiele aus der Rede der Akkallappen veröffentlicht (S. 175—197). Diese Texte sind zwischen 1971 und 1974

von vier Informanten auf Tonband gesprochen und später nach der finnisch-ugrischen phonetischen Transkription literiert worden.

Im großen und ganzen ist die Untersuchung von P. Zaikov eine wertvolle Errungenschaft der lappischen Sprachwissenschaft.

PAUL ARISTE (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1988.3.12>

Н. Г. Кузнецова, Глагольная подсистема кетского диалекта селькупского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Томск 1987.

25 января 1988 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Надежды Кузнецовой «Глагольная подсистема кетского диалекта селькупского языка». Исследование выполнено под руководством доктора филологических наук Эрики Беккер. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук Т.-Р. Вийтсо (Таллин) и кандидат филологических наук Е. А. Хелимский (Москва).

В работе Надежды Кузнецовой описывается морфология глагола кетского диалекта селькупского языка: выделены встречающиеся в глагольных словоформах суффиксы, определены их значения и принадлежность к словоизменительным или словообразовательным суффиксам, дано систематическое описание основных недеривационных / деривационных классов глагольных основ и формальных классов, причем глагол кетского диалекта сравнивается с глаголом тазовского диалекта и прослеживается история глагольных форм и суффиксов. Актуальность темы не вызывает сомнения: морфология глагола кетского диалекта ранее специально не изучалась, поэтому исследование представляет интерес не только для селькупистики, но и для самодийского языкознания в целом и даже уралистики. Ведь язык кетских селькупов, точнее сюсюкумов, сильно отличается от более изученного языка тазовских селькупов.

Объем работы — 235 машинописных

страниц; она состоит из введения (29 с.), четырех глав (38+30+44+36 с.), заключения (4 с.) и необходимых приложений (36 с.), в том числе списка цитированной литературы (16 с.), пяти морфологических таблиц, списка основных производных глаголов (103 глаголов) и образцов парадигм (17 с.).

Введение содержит формулировку цели и задач исследования, общие сведения о материале исследования (сюда включена характеристика особенностей кетского диалекта!), его объекте (т. е. какие морфологические формы автор считает глагольными, в частности категориальными и некатегориальными), научной новизне, практической значимости, структуре работы и аннотацию, а также характеристику фонетической и морфологической структур глагольного слова (§ 2 и 3). Композиционно введение — наиболее слабая часть работы: изложение фонетической и морфологической структур глагольного слова уже по сути не отделимо от изложения морфологии глагола. Таким образом параграфы 2 и 3 должны были составить отдельную главу в рамках основной части разработки темы, а не быть привязанными к необходимым или факультативным формальностям. Правда, содержание этих параграфов, несмотря на параллельность заглавий, фактически не сравнимы.

В § 3 о морфологической структуре глагольного слова в кетском диалекте обстоятельно не говорится; напротив, здесь представлены только некоторые термины и теоретические соображения, примени-

мые для описания морфологии всех языков мира, глаголы которых состоят из основ и суффиксов, если бы отсутствовали более удобные системы терминов. Впрочем, автор напрасно пользуется теорией морфологических категорий А. В. Бондарко, которая, боюсь, не может объективно удовлетворить даже русистов, несмотря на то что стерильно основывается на материале русского языка. Эта теория, хотя и модна в СССР, из-за своей несостоятельности не впервые отрицательно влияет на работу к ней обратившихся. Чтобы не быть голословным, процитирую довольно запутанную фразу Бондарко: «... процесс формообразования конституирует морфологические категории (хотя и не сводится к этому)... Ср., например, образование форм инфинитива или деепричастий, которое создает оппозиции форм (*замечаю — замечать, сидеть — сидя* и т. п.), но не создает особых морфологических категорий» (А. В. Бондарко, Теория морфологических категорий, Ленинград 1976, с. 117), и вполне легальный и однозначный «перенос» Кузнецовой этой фразы в морфологию кетского диалекта: «Процесс формообразования в кетском диалекте лежит в основе образования морфологических категорий, но не сводится к нему. Так при образовании инфинитива, причастий и деепричастий создаются глагольные формы, а не особые морфологические категории» (с. 25). Что же отражают различные инфинитивные (т. е. инфинитивы, деепричастия и т. п.) морфологические формы, если не морфологические категории?

Представляется, что рассуждение Бондарко стало возможным «благодаря» двум тривиальным логическим ошибкам. Во-первых, члены «оппозиций» *замечаю — замечать, сидеть — сидя* и т. п. не встречаются в одной и той же позиции в фразе, т. е. фактически не противопоставляются (поэтому даже знание категориальных свойств таких личных форм, как *замечаю : замечаешь* и т. д. никак не способствует выявлению категориальных свойств соответствующих инфинитивных форм). Во-вторых, Бондарко явно путает категорию с функцией; отсюда отрицание категориальности инфинитива, деепричастия и т. п. Явно морфологическая система инфинитивных форм русского языка настолько тривиальна, что

единственный инфинитив русского языка из-за своей полуфункциональности не может быть описан при помощи схемы одна форма — одна функция. Функции русского инфинитива довольно хорошо прослеживаются на фоне функций инфинитивных форм эстонского языка (и других прибалтийско-финских): *Спать приятно* — *Maga/da* (подлежащее) *on tõnis*; *Хочу спать* — *Tahan maga/da* (прямое дополнение); *Иду спать* — *Lähen maga/ma* (обстоятельство действия); *Хожу здесь спать* — *Käin siin maga/mas* (обстоятельство цели); *Откажусь спать* — *Keeldun maga/mast* (обстоятельство действия); *Я слишком усталый, чтобы спать* — *Olen liiga väsinud maga/maks* (обстоятельство цели). Здесь одной русской инфинитивной форме (инфинитиву) отвечает одна эстонская инфинитивная форма на *-da* и четыре различные падежные формы инфинитива на *-ma*; согласно хрупкой логике Бондарко, акцептируемой Кузнецовой, получается, впрочем, что категорию падежа должна иметь некая «некатегориальная» форма. А инфинитив русского языка, оказывается, — это глагольная категориальная форма, служащая в предложении подлежащим, прямым дополнением или обстоятельством (каким видом обстоятельства — общее дело синтаксиса и морфологии русского языка). Инфинитив кетского диалекта типологически, т. е. функционально, близок инфинитиву русского языка. На основании этого длинноватого экскурса в опирающуюся «на отечественную грамматическую традицию» теорию морфологических категорий Бондарко заключаю, что заглавие четвертой главы работы — «Некатегориальное формообразование» — лишено смысла.

Не лучше обстоит дело и с понятием коррелятивности, тоже заимствованным у Бондарко. Сказано, что коррелятивность — это соотносительность словоформ (с. 26—27), но как определяется соотносительность словоформ? О коррелятивности же говорится в заглавиях II и III глав.

В отличие от § 3, содержание § 2 соответствует заглавию, описывая фонетическую структуру глагольного слова. Однако этот параграф не вполне устраивает оппонента. Изложение фонетической структуры основ не функционально: 1) с

одной стороны, выделено слишком много типов основ (напр., встречается в начале основы согласный или нет, для селькупской морфологии не имеет никакого значения), с другой, не выделены типы основ, реально обуславливающие выбор какого-либо конкретного суффикса (напр., вообще не упомянуты неоднозначные консонантные основы, разные типы которых, по табл. III, не только существуют, но и играют довольно большую роль); 2) символы формул и особенно примеры к ним слабо продуманы и даже дезориентируют внимательного читателя; 3) невозможно получить необходимое представление о системе чередования основ, в частности о роли и условиях чередования ступеней, одной из примечательнейших черт кетского диалекта.

В главе I («Словообразование», по оглавлению — «Глагольное словообразование») раздельно рассматриваются глагольное отыменное и глагольное отглагольное словообразование. Выделены 14 отыменных и 19 отглагольных суффиксов, для каждого по мере возможности выяснены типы производящей основы, значение, переходность/непереходность, перфективность/имперфективность и то, что, наверно, следует называть либо канонической формой либо реконструкцией суффикса. Кроме того, дается информация о наличии соответствий суффиксам в тазовском диалекте и других самодийских языках.

В отглагольном словообразовании выделены четыре типа: 1) образование глаголов со значением способов действия, 2) образование переходных глаголов от непереходных (т. е. транзитивизации), 3) образование возвратных и пассивных глаголов от переходных (т. е. интранзитивизации) и 4) образование глаголов со значением состояния (результативных и стативных). Последний включает образования от непереходных глаголов, которые можно рассматривать как дуративные, ср. *amdī/ku* 'сидеть' — *amdīmbi/ku* 'сидеть (постоянно)', и переместить в первый тип, и образования от переходных глаголов, связь которых с интранзитивизациями третьего типа, к сожалению, не раскрыта, ср. транзитивное (1), пассивное (с обстоятельством агента) / возвратное (2.1—2) и результативные (3.1—3) предложения:

- (1) *essem n̄iat matam* 'отец-мой открыл дверь'
 (2.1) *matta n̄ūgukkuŋ (essepse)* 'дверь открывается (отцом-моим)'
 (2.2) *matta n̄ūguŋ (essepse)* 'дверь открылась (отцом-моим)'
 (3.1) *matta n̄ūmba (essepse)* 'дверь открыта (отцом-моим)'
 (3.2) *matta n̄ūmbis (essepse)* 'дверь была открыта (отцом-моим)'
 (3.3) *matta n̄ūmben̄ziŋ (essepse)* 'дверь будет открыта (отцом-моим)'

Не совсем ясно, как автор получила каноническую форму, или реконструкцию суффиксов, используемую в тексте вместо реальных форм (ср., напр., суффикс *-s(V)*, реальными формами которого, судя по примерам, являются *-zu-* и *-zi-*, и разные суффиксы *-(k)ku-*, *-ku-*, *-kV-*).

Не могу одобрить использование без каких-либо объяснений терминов первая и вторая основы (существительного), примененных Е. А. Хелимским в описании тазовского диалекта. Читатель не должен искать значение таких узкоспециальных терминов по редким изданиям (или даже по библиотечкам).

В главе II «Непоследовательно коррелятивное категориальное формообразование» рассматриваются категории вида и залога. Совершенный и несовершенный виды не имеют четкого морфологического выражения. Непроизводные глагольные основы в зависимости от конкретного глагола могут быть либо совершенного, либо несовершенного вида. Имперфективизация таких глаголов совершенного вида происходит при помощи суффикса *-(k)ku-*; в перфективизации глаголов несовершенного вида участвует несколько суффиксов. Итак, совершенный и несовершенный виды не являются морфологическими категориями, все же от них зависит невозможность/возможность образования причастия одновременного действия (в совершенном виде они невозможны). Переходные глаголы обычно имеют совершенный вид.

Автор выделяет в кетском диалекте три залога: актив (у переходных глаголов), медиум (у возвратных глаголов) и пассив, причем считает, что «формы ак-

тивного и среднего залога противостоят формам третьего залога — пассивного» (с. 89). Это странно: поскольку общим для актива и пассива является то, что они — залого переходных глаголов, медиум и пассив имеют и общее морфологическое оформление, т. е. общие суффиксы (хотя в работе не выясняется, изменяется ли глагол в пассиве по лицам), но что общего у актива и медиума? Кроме того, если в селькупском языке имеются грамматические медиум и пассив, то не совсем оправдано рассмотрение возвратных и пассивных, а может быть и результативных глаголов в главе о словообразовании.

Автор избежала определения соотношений выделенных ею видов и залогов, а также таких понятий, как переходность/непереходность и субъектное/объектное спряжение. Действительно, на основе ее основных положений, если не ошибаюсь, три залога определяемы в логическом пространстве (матрице) размерности 2×2 :

	объектное спряжение	субъектное спряжение
переходность	актив	пассив
непереходность		медиум
	перфек- тивность	имперфек- тивность

Т. е. у нас либо слишком много исходных понятий («категорий»), либо мы пока не способны ими вполне разумно пользоваться.

Глава III («Последовательно коррелятивное категориальное формообразование») посвящена категориям наклонения (индикатив, адхортатив, императив, кондиционалис, конъюнктив), времени (настоящее, прошедшее, будущее), лица-числа (1-е, 2-е и 3-е лица в единственном, двойственном и множественном числе). Оказывается, в кетском диалекте в императиве иногда имеет место использование

суффиксов объектного спряжения при непереходных глаголах и суффиксов субъектного спряжения при переходных глаголах. Не связано ли это с фонологическим типом основы? Автор не раз обращает внимание на то, что настоящее время в кетском диалекте у глаголов совершенного вида выражает «действие, которое произошло непосредственно перед моментом речи и результат которого налично» (напр. с. 115), и переводит такое настоящее время на русский язык через прошедшее время. Перевод, конечно, правильный, но сути терминов *совершенный вид* (перфективность) и *настоящее время* лучше соответствовало бы объяснение, что настоящее время у глаголов совершенного вида выражает законченное к моменту речи действие. Произошло ли действие непосредственно перед моментом речи или нет, принципиального значения не имеет. Аналогично прошедшее время у глаголов совершенного вида выражает законченное к определенному моменту в прошлом действие.

В главе IV («Некатегориальное формообразование») рассматриваются категории причастия (атрибутивные: причастия настоящего и прошедшего времени, причем в кетском диалекте встречается и страдательное (пассивное) причастие прошедшего времени, и каритивное причастие; предикативные: причастия настоящего и прошедшего времени), деепричастия (простое на *-lš-* и предшествования на *-lšβlš-*) и инфинитива.

Работа Н. Г. Кузнецовой представляет собой первое и законченное исследование морфологии глагола одного из селькупских диалектов. Она содержит множество систематизированных ценных, ранее не известных фактов, дает определенную концепцию морфологии глагола кетского диалекта, в ней сопоставляются данные кетского диалекта с данными других селькупских диалектов и самодийских языков.

ТИИТ-РЕЙН ВИЙТСО (Таллин)